

Е. В. УРЫСОН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
uryson@gmail.com

ИЕРАРХИЯ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

В работе на примере некоторых сложных случаев (*сразу*, *поле*, *кругозор*) рассматриваются принципы, по которым можно упорядочивать значения многозначного слова. Первый принцип — иерархизация значений в соответствии с направлением семантической деривации. Второй принцип — упорядочение значений по частоте употребительности и другим параметрам, обычно связанным с этой характеристикой (полнота грамматической парадигмы, широта сочетаемости, стилистическая нейтральность и т. п.). Продемонстрировано, что при описании конкретных слов эти принципы могут вступать в противоречие друг с другом. Показано, что системное представление объекта может быть получено только при первом подходе. Для решения прикладных задач может оказаться удобным второй подход.

Ключевые слова: полисемия, иерархия значений, семантическая деривация, направление деривации, частотность употреблений.

1. Объект и цель исследования

Объект предлагаемой заметки — структура полисемии многозначного слова. Лексической полисемии посвящено большое количество работ; выявлены существенные закономерности ее организации (см. основные работы в этой области [Покровский 1895; Апресян 1974; Зализняк Анна 2002; Падучева 2004; Кустова 2004]). В фокусе нашего внимания — лишь один из аспектов этой проблемы: порядок подачи значений полисемичного слова.

Значения полисемичного слова подаются в словарях в виде упорядоченной последовательности. Иногда некоторые значения объединяются в блоки, содержащие не менее двух значений. Тогда упорядочиваются и значения внутри блоков, и сами блоки. Лексикограф упорядочивает значения полисемичного слова по интуиции. Цель настоящей работы — эксплицировать критерии выбора первого значения полисемичного слова. Естественно предположить, что на основании тех же критериев упорядочиваются

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00291А.

и остальные значения слова, в том числе и внутри блоков, а также и сами блоки (если таковые выделяются).

На первый взгляд, поставленная задача кажется тривиальной: очевидно, что переносные, т. е. метонимические и метафорические, значения подаются после прямых. Однако у слова может быть более одного непереносного значения, ср. два значения слова *сразу*, представленные в контекстах *Все сразу замолчали* [‘через кратчайший промежуток времени’] и *Все говорили сразу, и ничего нельзя было разобрать* [‘одновременно’]. Для таких случаев требуется эксплицировать критерии выбора первого значения. Кроме того, оказалось, что порой не всегда очевидно даже, в каком порядке подавать прямое и переносное значения слова. Подобные случаи тоже требуют обсуждения.

Для дальнейшего нам понадобится следующее терминологическое уточнение: в соответствии со словоупотреблением, принятым в московской семантической школе, будем называть лексемой слово, взятое в одном из своих значений¹. Многозначное слово представляется тогда как набор лексем.

2. Постановка задачи

С теоретической точки зрения проблема иерархии значений слова сближается с проблемой выбора доминанты синонимического ряда. Критерии выбора доминанты синонимического ряда рассматриваются в работе [Апресян 2004]. Некоторые из них кажутся вполне подходящими для определения первой лексемы многозначного слова. Действительно, кажется очевидным, что первая лексема должна быть наиболее употребительной (по сравнению с другими лексемами того же слова), должна обладать наиболее полной грамматической парадигмой, наиболее широким набором синтаксических конструкций, наиболее широкой сочетаемостью, а кроме того, должна быть наиболее нейтральна стилистически и т. п. Набор этих свойств делает данную лексему в каком-то смысле привилегированной: при восприятии многозначного слова вне контекста она приходит в голову первой.

Правда, основной критерий выбора доминанты синонимического ряда, при прочих равных условиях, — все-таки семантический: доминанта ряда — это «лексема, которая имеет наиболее широкое в данном ряду синонимов значение» [Там же: XXVII]. Ясно, что к первой лексеме многозначного слова подобное семантическое требование в общем случае неприменимо. Например, многозначные глаголы *идти* и *течь*, помимо значения, представленного в контекстах типа *Школьник идет в школу*, *В реке течет вода*, имеют еще и весьма абстрактное значение, указывающее на то, что действие, деятельность или процесс имеет место; ср.: *Тихо! Идет операция*, *Фильм уже идет*; *Жизнь шла (текла)*, *Болезнь течет вяло* и т. п. Ни один

¹ В целом лексема соответствует лексико-семантическому варианту А. И. Смирницкого.

словарь не помещает это абстрактное значение на первое место в структуре полисемии глаголов *идти* и *течь* — наоборот, это абстрактное значение всегда оказывается одним из последних. На роль первого значения слов *идти* и *течь* все словари выбирают самое конкретное значение, ср.: *Школьник идет в школу, Мы идем домой; Вода течет на пол*. К вопросу о возможных семантических требованиях, предъявляемых к первой лексеме многозначного слова, мы вернемся ниже.

Сейчас отметим, что самая высокая употребительность и самая широкая или богатая сочетаемость лексемы как будто могут служить основанием для признания ее первой (главной, центральной, основной) в иерархии лексем многозначного слова. Действительно, она не только приходит в голову первой при восприятии многозначного слова вне контекста, но, по-видимому, раньше других лексем того же слова усваивается детьми, а также иностранцами.

Однако при теоретическом подходе к описанию многозначности употребительность, сочетаемость и подобные признаки лексем во внимание не принимаются. Общепринятое положение описания полисемии — наличие направления семантической деривации: одна лексема слова считается исходной, или корневой (по Е. В. Падучевой), а другая лексема — производной от нее. При этом можно выявить семантические трансформации, которые превращают исходную лексему в производную. Исходные лексемы, принадлежащие к одному и тому же семантическому классу, по-видимому, допускают одни и те же наборы трансформаций, благодаря чему можно говорить о «парадигме многозначности» слов с такой-то исходной лексемой (концепция Е. В. Падучевой [2004]). Тогда первая лексема многозначного слова — это та его лексема, от которой существуют системные семантические переходы к другим лексемам.

Казалось бы, первая по употребительности и сочетаемости лексема многозначного слова является и его исходной, корневой лексемой. И наоборот, корневая лексема многозначного слова будет и самой употребительной. Выяснилось, однако, что так бывает далеко не всегда. В подобных случаях встает вопрос: какой критерий иерархизации лексем нужно положить в основу лексикографического описания слова?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от задачи, на решение которой ориентировано лексикографическое описание. Цель предлагаемой заметки — продемонстрировать отдельные примеры и наметить возможный способ описания полисемии в случаях, когда критерий направления производности вступает в противоречие с критерием употребительности.

3. Структура полисемии многозначных слов

Случаи неочевидной структуры полисемии встречаются среди стилистически нейтральных и частотных слов. Рассмотрим некоторые примеры.

3.1. Наречие сразу

Естественно считать, что наречие *сразу* словообразовательно связано с существительным *раз*, представленным в контекстах типа *просить несколько раз, попасть с первого раза, Ни разу не ответил правильно, На третий раз застал их дома, раз за разом продвигаться всё дальше*. Остановимся на этом слове.

Существительное *раз* в приведенных контекстах служит для характеристики действия: оно производится (или могло бы производиться) неоднократно, а слово *раз* указывает на акт данного действия в цепочке его реальных или возможных повторений; числительное, обычное в таких контекстах, указывает на количество актов.

Некоторые контексты со словом *раз* содержат указание на отсутствие возможных (ожидавшихся) повторений действия, ср.: *Угадал с одного <с первого> раза*. Подобные контексты являются центральными для объяснения разных значений слова *сразу*, а кроме того, наречия *разом*.

Если ожидаемых повторений, т. е. последовательных актов действия, нет, то, значит, результат действия достигнут всего за один акт, «за один прием». Именно на это указывает наречие *разом* в одном из своих значений, ср.: *выпить стакан разом, Выпала ему всё разом*. Аналогичное значение есть и у наречия *сразу*. Ср.: *Съел сразу обед и ужин, Выпала ему всё сразу*.

Особый случай представляют собой речевые действия — акты общения. Одним речевым актом общения естественно считать законченное речевое действие, произведенное субъектом в определенный отрезок времени. В норме при общении один субъект в данный момент времени производит одно речевое действие. Указание на один акт общения информативно, если эта норма нарушается: например, в данный отрезок времени одновременно производятся (разными субъектами) несколько речевых действий, т. е. акт общения включает в себя несколько одновременных речевых действий. Это указание выражают наречия *разом* и *сразу* в контекстах типа

- (1) *Все говорили разом.*
- (2) *Все говорили уже сразу, и отдельных голосов нельзя было разобрать* (Куприн, МАС).

Слова *сразу* и *разом* выражают здесь значение ‘одновременно’. Близость данного значения к значению ‘в один прием, за один акт’ очевидна: если несколько действий производятся за один акт, то они могут быть только одновременными. Значение одновременности выражается наречиями *сразу* и *разом* и в некоторых других контекстах, ср.:

- (3) *У нас сразу два праздника — Новый год и день рождения тети.*
- (4) *Он учит сразу три языка.*

- (5) *Было сразу две именинницы: хозяйка [дачи] Ольга Сергеевна и старшая из сестер Муромцевых — Оля* (Нагибин, МАС)².

Отсутствие ожидаемых повторений естественно предполагает еще одно следствие: результат данного действия достигнут быстро, даже мгновенно, и поэтому от начала другого действия или от другого события его отделяет очень небольшой промежуток времени. Ср. *уйти сразу, сразу извиниться*. Заметим, что такое значение есть у наречия *сразу*, но не у наречия *разом*.

Слова со значением времени, как правило, имеют и пространственное значение. Наречие *сразу* не является исключением: в ряде контекстов оно выражает пространственное значение. Ср.:

- (6) *Чемодан стоит сразу у двери.*
 (7) *Катя сидит сразу за первым столом.*
 (8) *До хутора отсюда было рукой подать, лежал он сразу за лесной опушкой* (Авдеев, МАС).
 (9) *Вы знаете, наш лагерь тут недалеко, сразу за речкой* (Михалков, МАС)³.

Таково краткое описание четырех значений наречия *сразу*. В других значениях слово *сразу* в текстах не встречается, и словари их не фиксируют.

Мы выяснили, как слово *раз* семантически мотивирует значения наречия *сразу* и как разные значения *сразу* мотивируют друг друга. Требуется понять, как ранжируются значения слова *сразу* в структуре полисемии.

С точки зрения логики связей между мотивирующим и мотивированным словами естественно считать первой (корневой, по Е. В. Падучевой) ту лексему слова *сразу*, которая ближе всего к значению существительного *раз*, т. е. значение 'всего за один прием'. Ср. *сразу съесть обед и ужин*. Лексема 'одновременно' (ср. *Все говорили разом, У нас сразу два праздника*) логически вытекает из первого значения и тесно с ним связана. Данную лексему естественно объединить в один блок с первой.

Временное значение наречия (ср. *сразу извиниться, сразу уйти*) семантически и логически отстоит на шаг дальше от существительного *раз*, поэтому в иерархии значений оно располагается после двух описанных. Что касается пространственного значения, то оно возводится уже не к самому слову *раз*, а к временному значению наречия *сразу* и, следовательно, является последним в структуре полисемии наречия. Пространственное и временное значения естественно объединить в один блок.

Исходя из этой логики описания, структура полисемии наречия *сразу* представляется так (толкования даются в огрубленном виде):

² Данная лексема отличается от других лексем слова *сразу* синтаксическими свойствами: она безударна и просодически, видимо, входит не в глагольную группу (как в случае *сразу извиниться*), а в именную (ср. *сразу две именинницы*).

³ Пространственная лексема наречия *сразу* описана в работе [Урысон 2017].

Сразу 1.1 'в один прием': Съел сразу обед и ужин.

Сразу 1.2 'одновременно': Говорили все сразу; У нас сразу два именинника.

Сразу 2.1 'через кратчайший промежуток времени': сразу расплакаться.

Сразу 2.2 'на ближайшем расстоянии': Веник сразу за дверью.

Именно так представляется структура полисемии слова *сразу* в существующих толковых словарях.

Однако лексема *сразу 1.1* 'в один прием' ощущается скорее как периферийная; она обслуживает достаточно узкий круг контекстов и к тому же стилистически отмечена как разговорная. Центральной лексемой этого слова мы ощущаем лексему *сразу 2.1* 'через кратчайший промежуток времени' — словосочетания и высказывания именно с этой лексемой приходят в голову первыми при восприятии слова *сразу* вне контекста. По этой же интуиции, лексема *сразу 1.2* 'одновременно' следует за *сразу 2.1* — она стилистически нейтральна и кажется вполне «привычной». Что касается лексемы *сразу 1.1* 'в один прием', то она, согласно этой логике, должна подаваться после *сразу 1.2* 'одновременно'. Наконец, лексема *сразу 2.2*, безусловно, является последней в иерархии: она стилистически отмечена как разговорная и контексты с ней не возникают в сознании с такой же легкостью, как контексты с другими лексемами этого слова.

Ясно, что интуиция, благодаря которой мы воспринимаем *сразу 2.1* как центральную лексему, а скажем, лексему *сразу 2.2* как периферийную, базируется прежде всего на их употребительности. Действительно, в случайной выборке из НКРЯ (художественные тексты 1950—1985 гг.) в 100 примерах со словом *сразу* лексема *сразу 2.2* не встретилась ни разу, *сразу 1.1* встретилась 5 раз, *сразу 1.2* — 11 раз, а *сразу 2.1* — 84 раза.

Исходя из употребительности лексем слова *сразу*, структуру его полисемии можно представить так:

Сразу 1 'через кратчайший промежуток времени': сразу расплакаться.

Сразу 2 'одновременно': Говорили все сразу; У нас сразу два именинника.

Сразу 3 'в один прием': Съел сразу обед и ужин.

Сразу 4 'на ближайшем расстоянии': Веник сразу за дверью.

Подчеркнем, что такое представление структуры полисемии слова *сразу* вполне соответствует определенной языковой и лингвистической интуиции.

Возникает вопрос: какое описание предпочтительнее?

Мы видим, что применение статистического критерия затушевывает даже очевидные логические связи между значениями слова. Так, пространственное значение слова *сразу* оказалось совершенно оторванным от временного — при том что сосуществование в рамках одного слова пространственного и временного значений является, видимо, универсалией. Остались совершенно скрытыми связи и между другими лексемами этого слова.

Подход, принятый в традиционной лексикографии и в теоретических описаниях полисемии, напротив, отображает логику семантической дери-

вации. Как было показано выше, при таком подходе отражаются и некоторые парадигматические (словообразовательные) связи данного слова в лексической системе языка, ср. соотношение наречия *сразу* с наречием *разом* и существительным *раз*. Преимущества «логического» подхода очевидны: он дает более системное описание объекта.

3.2. Существительное поле

Мы рассмотрим только некоторые лексемы слова *поле* — те, которые обозначают участок, пространство на земной поверхности, а также некоторые пространственные лексемы, напрямую связанные с данными. Примеры:

- (10) *Шли по полю, собирали васильки во ржи.*
- (11) *И вот нашли большое поле: / Есть разгуляться где на воле*
(М. Ю. Лермонтов).
- (12) *Владимир ехал полем, пересеченным глубоким оврагом* (Пушкин, СУш).
- (13) *[Шхуна] стоит спокойно среди ледяного поля* (Каверин, МАС).
- (14) *Перед ним расстилались бескрайние снежные поля.*

Словари [МАС; СУш] усматривают здесь разные значения (или подзначения) слова *поле*. В примере (10) — это ‘нива’, точнее ‘участок земли, используемый для посева злаков’. В (11)–(12) — это ‘безлесная равнина, ровное (в отличие от селения, леса) обширное пространство’ [СУш]; точнее ‘достаточно большое открытое ровное пространство, в противоположность лесу’. В (13)–(14) — ‘очень большое открытое ровное пространство’.

Эти три контекста кажутся очень близкими — слово *поле* в них обозначает открытое пространство. Основное различие между данными лексемами — в указании на использование данного пространства, на его освоенность. В случае (10) пространство освоено — оно используется для выращивания злаков (или овощей, ср. *картофельное поле*). В случае (11)–(12) это пространство может быть использовано. В случае (13)–(14) такой потенциальной возможности нет или она не подразумевается — пространство не освоено. Различие между двумя последними случаями кажется весьма тонким — оно как будто выражается не самим словом *поле*, а контекстом. Для дальнейшего рассуждения эти случаи можно объединить.

Вопрос состоит в том, какую лексему признать первой: ‘нива’ или ‘большое открытое ровное пространство’?

Центральной лексемой этого слова мы ощущаем лексему ‘нива’: слово *поле*, взятое вне контекста, скорее понимается именно так. Так же оно понимается и в минимальных контекстах типа *Они шли по полю*. Однако словари подают первой не эту лексему, а ту, которая представлена в контекстах типа (11)–(14). Почему?

Компонент ‘открытое пространство’ предполагает отсутствие на данном пространстве каких-либо объектов, по крайней мере достаточно боль-

ших или в достаточно большом количестве. Оказывается, что именно этот компонент обеспечивает связь между некоторыми пространственными лексемами слова *поле*.

Возьмем лексему *поле*, представленную в случаях *величина левого поля*, *писать без полей*, *делать заметки на полях книги*. Данная лексема в [СУш] толкуется так: 'узкая полоса вдоль края листа бумаги, оставляемая свободной от письма или печати'. Указание на отсутствие (возможных) объектов — мост между данной лексемой *поле* и той, что представлена в (11)–(14).

Аналогичным образом обстоит дело с лексемой *поле* 'фон'. Ср.: *олень на золотом поле*; *по желтому полю синие полосы* [Там же]. Данная лексема также указывает на отсутствие достаточно большого количества объектов, которые бы закрывали (полностью покрывали) данное пространство.

Заметим, что лексема *поле* 'нива' тоже предполагает открытое пространство — иначе его невозможно было бы возделывать. Поэтому корневой, исходной лексемой слова *поле* естественно признать лексему со значением 'достаточно большое открытое ровное пространство'.

Отметим, что [Фасмер] допускает возможность этимологической связи между словами *поле* и *полюй* 'пустой'. Семантическая общность этих единиц очевидна: слово *полюй* тоже указывает на отсутствие каких-либо возможных объектов или вещества внутри данного объекта. Как видим, представление структуры многозначности слова *поле*, даваемое в толковых словарях, улавливает и возможность такой этимологической связи.

Подход, учитывающий представления говорящего об употребительности лексемы, не дает такого системного описания объекта.

3.3. Существительное кругозор

[МАС] и [СУш] выделяют в этом слове две лексемы. Одна из них представлена в контекстах типа:

- (15) [Галя] *Говорила, что Мигулин — правдивый и честный человек, но с узким кругозором* (Ю. Трифонов).
- (16) *Чем беднее ум, жестче навыки, уже кругозор, тем легче человек поддается внушению* (Д. Биленкин).
- (17) *Лучше, говорит, расширь свой кругозор, книжку почитай* (К. Симонов).

Эта лексема слова *кругозор* в первом приближении толкуется так: 'знания субъекта, которыми он свободно пользуется, вырабатывая мнение о чем-либо'.

Другая лексема слова *кругозор* представлена в примерах:

- (18) *Кругозор по обеим сторонам дороги ширился* (Д. Мережковский).
- (19) *Весь его кругозор теперь ограничивался освещенною частью пола, тазом, свечкой и тараканами, дремавшими напротив* (В. Короленко).

Эту лексему в первом приближении можно толковать так: ‘пространство, доступное зрительному восприятию человека, или объекты, находящиеся в этом пространстве, которые видит субъект’⁴.

В (18) слово *кругозор* обозначает видимое пространство; в (19) — объекты, которые в этом пространстве находятся (и которые поэтому видит субъект).

В некоторых контекстах слово *кругозор* обозначает видимое пространство неба, ср.:

- (20) *Темная синева протянулась по кругозору и повисла над лесами и деревнями* (А. И. Эртель).
- (21) *Вся правая четверть кругозора, ярко освещённого солнцем, была охвачена боем: по небу, быстро распускаясь, неслись дымки разрывов* (А. Колмогоров).

По-видимому, в (20)–(21) представлен особый круг употреблений рассматриваемой лексемы. Для простоты мы сейчас от этого отвлекаемся.

Как бы то ни было, в случаях (18)–(21) лексема *кругозор* обозначает физическое пространство, физический (материальный) объект. В случаях (15)–(17) слово *кругозор* указывает на ментальную сферу человека. Очевидно, что в случаях (18)–(21) мы имеем дело с прямым значением слова *кругозор*, а в случаях типа (15)–(17) — с переносным. Это переносное значение, с учетом сказанного, естественно толковать так: ‘знания субъекта, которыми он свободно пользуется, — как бы то, что находится перед его мысленным взором, когда он вырабатывает мнение о чем-либо’.

Хорошо известно, что слова, указывающие на зрительное восприятие, как правило, имеют отдельную лексему, указывающую на понимание или мнение. Ср.: *Вижу поле и лес* — *Вижу, что вы плохо меня понимаете*; *Посмотрите, пожалуйста, налево* — *Как вы на это посмотрите?*; *Его взгляд выражал недоумение* — *На его взгляд, ничего страшного не произошло*. Таким образом, полисемия слова *кругозор* вполне системна.

По общеизвестным представлениям о направлении семантической деривации исходной лексемой слова *кругозор* является та, которая имеет прямое значение, — она представлена в примерах (18)–(21). Лексема с переносным значением образована от исходной и, следовательно, должна подаваться как вторая. Именно так представляют слово *кругозор* [МАС] и [СУш]. Это представление полисемии слова *кругозор* полностью отвечает требованиям системного описания полисемии.

Проблема состоит в том, что оно не вполне удовлетворяет языковой интуиции. Причина в том, что слово *кругозор* в прямом значении устарело; уже [СУш] подавал ее с пометой «устар.». Правда, эту лексему, хотя и очень редко, но можно встретить у современных авторов; ср.:

⁴ [МАС] и [СУш] дают этой лексеме такое толкование: ‘пространство, которое можно окинуть взором’.

- (22) *Дядя Сандро не всегда опускал бинокль, когда в его кругозоре появлялась не его возлюбленная* (Ф. Искандер).
- (23) *Вдруг стало что-то позванивать, и Василий увидел, как из-за елок, заслонявших его кругозор, вышла рябая корова* (Ю. Петкевич).

Тем не менее большинство даже образованных носителей русского языка вряд ли владеют этой лексемой — вполне вероятно, что она им неизвестна. Обсудим возможное представление многозначного слова в таких случаях.

4. Два аспекта структуры полисемии

Во всех рассмотренных случаях исходная лексема многозначного слова не является самой употребительной или «яркой» по сравнению с другими лексемами того же слова — во всяком случае, она отнюдь не приходит в голову первой, когда носитель языка видит данное слово вне контекста. Между тем очевидно, что, описывая структуру полисемии многозначного слова, нужно каким-то образом отражать представление об иерархии лексем с точки зрения их употребительности, широты сочетаемости, нейтральности и т. п.

Иными словами, описывая многозначное слово, требуется отразить два аспекта его полисемии. Первый аспект — это направление семантической деривации. Существующие толковые словари, как правило, помещают исходную лексему выше ее деривата. Второй аспект — это употребительность лексемы. Существующие толковые словари не дают подобной информации о лексемах многозначного слова. На наш взгляд, естественно упорядочивать лексемы по направлению семантической деривации: только такой подход дает системное представление многозначного слова, позволяя в некоторых случаях отразить даже его парадигматические связи в лексике. Информацию об употребительности и подобных характеристиках лексем естественно подавать отдельно от этой «логической» структуры полисемии — например в виде особых помет о частотности при каждой лексеме.

Особую проблему представляет собой разрушение первоначальной структуры полисемии, вызванное уходом из языка корневой лексемы слова, ср. слово *кругозор*. В некоторых таких случаях логические связи между значениями слова бывают уже весьма неочевидны; возникающие в связи с этим вопросы иерархизации значений полисемичного слова рассматриваются в работах [Урысон 1999; 2005; 2016]. На наш взгляд, в этих случаях тоже следует представлять структуру полисемии, исходя из направления семантической деривации. Но тем более необходимо отмечать в словарном описании частотность лексем данного многозначного слова.

Подход к описанию полисемии, опирающийся на сведения о направлении семантической деривации, естественно использовать в теоретической

семантике. Для решения прикладных задач удобен другой подход — использующий сведения об употребительности лексем. Именно в таком порядке — по убыванию частотности — имеет смысл располагать лексемы многозначного слова в учебных словарях для иностранцев (поскольку сначала естественно освоить наиболее употребительные лексемы). В этом порядке удобно располагать лексемы и в компьютерных словарях: если в системе обработки текста, на которую ориентирован такой словарь, многозначность распознается по контексту, то удобно начинать распознавание с самых частотных, т. е. с самых вероятных лексем — поскольку более редкие лексемы могут вообще не встретиться в текстах данной предметной области.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2004 — Ю. Д. А п р е с я н. Лингвистическая терминология Словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Зализняк Анна 2002 — Анна А. З а л и з н я к. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2002.
- Кустова 2004 — Г. И. К у с т о в а. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1983
- СУШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Покровский 1895 — М. М. П о к р о в с к и й. Семасиологические исследования в области древних языков [первое издание: 1895] // М. М. П о к р о в с к и й. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Урысон 1999 — Е. В. У р ы с о н. *Дух и душа*: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 11–25.
- Урысон 2005 — Е. В. У р ы с о н. Материалы к описанию русского слова *И* // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 374–390.
- Урысон 2016 — Е. В. У р ы с о н. Изменение структуры полисемии и модальных рамок слова: наречие *впору* в XIX веке и теперь // Русский язык в научном освещении. 2016. № 31(1). С. 24–61.
- Урысон 2017 — Е. В. У р ы с о н. Наречие *сразу*: семантика и грамматика // Труды Института русского языка. Готовские чтения. М., 2017.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. М., 1986.

Статья получена 09.12.2018

ELENA V. URYSON

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
uryson@gmail.com

HIERARCHY OF MEANINGS OF A POLYSEMIC WORD: SETTING THE PROBLEM

The paper deals with principles of arrangement of meanings of a polysemic word in a dictionary. Several complex examples (*srazu*, *pol'e*, *krugozor*) are analyzed. Lexicographical description can be arranged according to two different principles: either hierarchization of meanings according to the direction of semantical derivation, or ranking of meanings on the basis of their usage frequency and related characteristics (completeness of grammatical paradigm, collocation range, stylistic neutrality, etc.). It is shown in the paper that in some cases these principles are in conflict. Systemic representation of word polysemy can be obtained only on the basis of the first principle. The second principle can be useful in applied (e.g. computational) lexicography.

Keywords: polysemy, hierarchy of meanings, semantic derivation, direction of derivation, frequency of use.

References

- Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika*. Moscow: Nauka.
- Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2004). *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* (2nd ed.). Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1981–1984). *Slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: Nauka.
- Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Pokrovskiy, M. M. (1959). *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Uryson, E. V. (1999). Dusha i dukh: k rekonstruktsii arkhaynykh predstavleniy o cheloveke. In N. D. Arutyunova & I. B. Levontina (Eds.), *Logicheskiy analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* (pp. 11–25). Moscow: Indrik.
- Uryson, E. V. (2005). Materialy k opisaniyu russkogo slova I. In V. N. Toporov (Ed.), *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statey k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy* (pp. 374–390). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Uryson, E. V. (2016). Izmenenie struktury polisemii i modal'nykh ramok slova: narechie vporu v XIX veke i teper'. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 24–61.
- Uryson, E. V. (2017). Narechie srazu: semantika i grammatika. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka. XIII* (pp. 311–320). Moscow: [s.n.].
- Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow.
- Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Zaliznyak A. A. (2002). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Received on 09.12.2018